

люди искусства

ЕГО ТОЧКА ОТСЧЕТА

Г. СИМАНОВИЧ

караде», водевильный чудак Флоридор.

И все же нет у него оснований сетовать на актерскую свою планиду. Потому что в адском грохоте разрывов, из окопа, как из развернувшейся тверди, поднялся к зрителю его неистовый и самолюбивый артиллерист Дроздовский, герой «Горячего снега». Потому что годы работы над образом Жюльена Сореля, сценической (во ВГИКе и в Театре-студии киноактера) и лабораторной (в библиотеках над материалами о той эпохе, в размышлениях, в долгих беседах с Учителем), привели к новому пониманию глубин характера героя и впечатляющему экранному воплощению постигнутого — в многосерийном телефильме «Красное и черное».

Потому, наконец, что в Алексашке Меншикове (эпопея о Петре С. Герасимова) движения души его героя раскрылись нам в причудливом и тонком сплетении, во всей колоритности. Эти роли Еременко справедливо считает главными пока в своей актерской судьбе.

На первый взгляд парадоксальное сопоставление: лейтенант Великой Отечественной, лукавый царедворец эпохи Петра, французский плебей начала прошлого века. Что может быть общего между ними?

«Жажда самоутверждения!» — отвечает он на этот вопрос, наделив вместе с тем героев узнаваемо-точными чертами людей их времени, рисуя конкретные, осязаемые и неоднозначные образы.

В том-то и дело, что самоутверждение как таковое —

достойная цель юной души. Какими средствами и ради чего — вот главное. И здесь он сумел быть беспощадным к своим героям.

Передавая «силу и величие страстей», борющихся в душе Сореля, расшифровывая загадку привлекательности этого пылкого и одновременно хладнокровного юноши с умом и опытом зрелого мужчины, актер пришел к трагедии неутоленного тщеславия героя, которое сам Жюльен, обманываясь, принимал за высокий патристический порыв, за жажду благородной борьбы с мертвящими устоями высшего света. Обманывался? А может быть, ему нужен был этот самообман, чтобы надежнее и быстрее возвыситься над другими?

Он сумел вызвать сочувствие к своему лейтенанту, но дал нам понять важную и суровую истину: такие, как Дроздовский, готовы стать героями, но не безмянными. Их героизм в значительной мере показной, их самоутверждение предполагает непременно обелиск или хотя бы подробную посмертную реликвию.

Алексашка Меншиков — третий образ, еще один вариант самоутверждения, пожалуй, наиболее циничный и предосудительный. Утвердиться во власти, угождая властодержцу, жестоко расправляясь с его врагами, утвердиться в богатстве и вседозволенности, пускай и чересчур высока ставка — жизнь на поле брани. Но опять двойственность характера. Еременко «вытаскивает» изпод ранней коросты цинизма, затянувшей душу Алексашки,

порывы благородные и бескорыстные. Он ведь, пройдоха, Петра-то еще и любит, он ведь за Петрово дело по-своему искренне радеет. И вдруг — лукавый, умный, снисходительный — насмешливый взгляд исподтишка: мол, наивен ты еще, мин херц, жизни не понимаешь, всяк о себе подумать должен. Здесь уже не внутреннее смятение Сореля, не злой максимализм бондаревского героя. Здесь — проще и сложнее. И страшнее.

Эта же тема нашла применение и еще в одной работе, которая очень дорога актеру и действительно в ряду лучших. Николай Трубачевский в фильме «Исполнение желаний» по роману В. Каверина. Артист проводит своего героя от наивного мальчишеского тщеславия к подлинному самоутверждению, то есть к честному, гордому и мужественному осознанию своей роли «ученого для науки», «человека для людей», сына своей страны.

Роли потребовали не шутливой глубины психологического рисунка, стали экзаменом на зрелое мастерство.

Но были и еще полтора десятка работ. И каждая из них — более или менее удачная — факт творческой биографии. Он не отрекается ни от одной. Это достойно уважения. Играть много, играть роли самые разнообразные и в каждой, даже драматургически безнадежной, стараться отыскать зерно, зернышко, былинку правды — в конце концов это позиция, и отстаивать ее нужно всякий раз заново, в каждом новом фильме.

И все же, все же...

Он часто вспоминает тот год, мучительный и многое открывший год после телевизионного «Красного и черного», когда ни нравственно, ни духовно был не в состоянии братья за новую работу — судьба, мятущийся дух Сореля не отпустили, не давали сосредоточиться на ином. Он мог преодолеть это — принять одно из предложений, в которых не было недостатка, и просто сниматься, не «вживаясь» в роль, а просто «выполняя» ее, используя ремесло. Не сделал этого, перетерпел, сдюжил....

После «Пиратов XX века» в критических статьях то прямо, то в подтексте нет-нет да звучали ноты удивления, непонимания такого поворота творческих интересов Николая Еременко.

А зрители, мнение которых всегда было и остается бесспорно важным для него?

«Дорогой Николай, — одно из сотен подобных писем, — мы любовались тем, как в «Пиратах XX века» вы великолепно плаваете, ныряете, управляетесь с бандитами, владеете оружием...»

Увы, в данном случае не итрой восхищены, не героем даже — эффективностью внешнего рисунка, техникой, пластикой.

Кредо Еременко: актер должен уметь все. Он говорит: «Мне интересно пробовать себя и в таких ролях». Что ж, анкета читателей «Советского экрана» за прошлый год, когда появились «Пираты», принесла Николаю Еременко лавры самого популярного артиста. Здесь есть о чем поразмышлять кинокритикам, педагогам, режиссерам, социологам.

Ему скоро тридцать три. В активе — большие, ответственные роли в фильмах по произведениям большой литературы. А точка отсчета — если по самым высоким меркам! — может быть, она впереди, от той лучшей роли, которую он еще не сыграл?!

● Артист кино Н. Еременко.

Фото А. Рубашкина.